

УДК 821.111–34–93, ББК 84(4), У65

Вверх по Причуди и обратно / В.В.; пер. с англ. —
М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2019. —
384 с., 4 отд. л. ил.

ISBN 978–5–98124–721–7. Отпечатано в России.

Перевод с английского языка Веры Саниной.

Иллюстрации Дёниса Уоткинса-Питчфорда.

Автор иллюстраций на обложке — Питер Уиверс.

Книга для чтения взрослыми детям.

Оригинальное издание этой книги на английском языке было опубликовано в 1942 году под названием «The Little Grey Men».

Издательство «Добрая книга»

Электронный адрес для переписки: mail@dkniga.ru

Веб-сайт издательства: www.dkniga.ru.

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача, размещение в сети Интернет или в корпоративных сетях, в любой форме и любыми средствами, электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

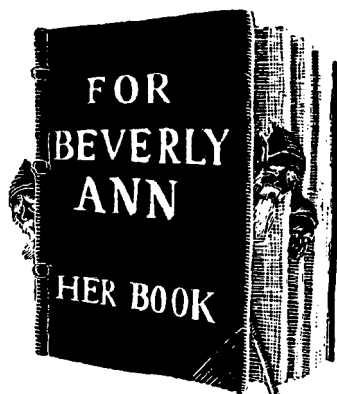
© The Estate of D. J. Watkins-Pitchford, 1942 — текст,
иллюстрации.

© Oxford University Press, 2013 — иллюстрации на обложке.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2018 — перевод
на русский язык, издание на русском языке.

Оглавление

Предисловие	7
1. Тысячелист, Мёум, Вьюнок и другие	11
2. Лодка спущена на воду	35
3. Путешествие начинается	57
4. Вьюнок	85
5. Мёум и Тысячелист	107
6. Посторонним вход воспрещён	127
7. Вороний лес	143
8. Великан Громобой	165
9. Страшная поляна	189
10. Сход лесного народа	207
11. Праздник	225
12. Шторм	245
13. На необитаемом острове	265
14. Акула	283
15. «Джини Динс»	299
16. Хеллоуин	327
17. Запах зверя	343
18. Вниз по ручью	361
Песенка Причуди	376
Об авторе	379

*Посвящается
Бeverли Энн*

Предисловие

то история о последних гномах Британии. Это всамделишные гномы, а вовсе не сусальные коротышки из сказок, и живут они охотой и рыбалкой, подобно зверям и птицам, как им и приличествует.

Эта история — рассказ об их путешествии по ручью Причудь, на берегах которого они обитают, и о поисках Морóшика, их пропавшего друга, много месяцев назад ушедшего в верховья Причуди и так и не вернувшегося обратно. Вы, может, и не верите в существование маленького народца*, но это всё потому, что большинство сказок изображают гномов и эльфов маленькими человечками в смешных колпаках или с блестящими крылышками, вытво-

* В британском фольклоре и фольклоре многих стран континентальной Европы маленьким народцем называют всех маленьких волшебных существ — гномов, эльфов, фей, гоблинов, брауни, кобольдов, домовых и др. — *Прим. ред.*

ряющими всяческие невероятные фокусы с цветами и паутиной. Такие выдумки для кого-то, может, и годятся, но только не для нас с вами.

Если вы не верите в существование маленького народца, я советую вам стать как можно меньше (хотя это ужасно сложно), вести себя очень тихо (что ещё сложнее), притаиться на берегу какого-нибудь ручья или в лесной чаще и внимательно смотреть по сторонам, как это делал я. И тогда в какой-то момент вы вдруг поймёте, что птицы и дикие звери *и есть* маленький народец! Такова простая истина, однако же мы никогда об этом не думали!

Есть духи вод, такие как трясогузки и зимородки, тростниковые камышовки, овсянки, водяные крысы и перепончатопалые тенрёки. Есть и гоблины! Присмотритесь к лесной мыши, снующей в опавшей листве, к ежу, охотящемуся в сумерках, к белкам, прыгающим с ветки на ветку. Существуют гоблины с крыльями — ночные гоблины, такие как козодой и совы, довольно устрашающего вида. А в больших лесах водятся тролли — осторожные и неуклюжие барсуки, которые вылезают из своих нор только по ночам и попадают на глаза лишь очень немногим людям.

И — увы! — существуют и великаны. Но вы должны прочитать эту книгу, чтобы понять, кто это такие.

Мои гномы немногим отличаются (в обычном представлении) от обитавших в лесах дикарей. Они

живут рядом со зверями и птицами и не могут уходить далеко от воды. Дети тоже инстинктивно тянутся к воде, и по той же причине Ирландия стала последним оплотом маленького народца — это малонаселённая страна с влажным климатом, а гномы больше всего любят такие места, где безлюдно и влажно.

Рассказывая эту историю, я должен попросить читателя проявить снисходительность к одной детали моего полёта фантазии. Я счёл необходимым наделить своих гномов и животных даром речи. Поскольку эта книга адресована юным читателям, они, без сомнения, простят меня, ведь благодаря этому моя история становится интереснее. В прочих отношениях она редко выходит за пределы возможного. Уорикшир — одно из последних английских графств, где можно повстречать эльфа или гнома; наверняка Уильям Шекспир знал об этом, когда работал над своей пьесой «Сон в летнюю ночь».

Автор
1942

*Чудо жизни, её удивительная красота и сила,
её формы, цвета, свет и тени — вот что я вижу.
Взгляни и ты, покуда длится жизнь.*

глава 1

Тысячелист, Мёум*, Вьюнок и другие

то был один из тех дней на исходе зимы, когда весна каким-то едва уловимым образом заявляла о своём присутствии. Кусты по-прежнему стояли тёмными и колючими, поля оставались белёсыми и голыми, по ним разгуливали стаи бранящихся скворцов; но не было никакого сомнения, что на ближайшие семь месяцев с зимой, в сущности, покончено. Вот-вот должен был начаться великий прилив жизненных сил природы, которые поначалу робко пробивались то тут,

* Имена гномов — героев этой книги произошли от названий различных растений. Мёум обыкновенный (или мёум атамановый) — хорошо известное в старину лекарственное растение, очень похожее на фенхель, благодаря своему аромату использовавшееся также для приготовления супов и рагу. В Шотландии мёум издревле выращивался с целью употребления в пищу как корнеплод; в Германии известен как «медвежье сусли» (Bärgwurz) и используется для приготовления одноименного баварского шнапса. — *Прим. ред.*

то там, а затем прибывали и прибывали, чтобы в середине лета этот прилив достиг своего пика в великопном половодье — буйстве жизни.

Представьте себе: вся эта сила жизни, все эти миллионы листьев, все эти сантиметры новых побегов, на которые скоро удлинятся кусты, деревья и цветы, — всё это нынче таилось под землёй, и никто даже не догадывался об этом.

Утро было тихим и пасмурным, но потом солнце стало понемногу пробиваться сквозь тучи, и на лугах фермера Счастличикса дрозды начали выводить трели и распеваться: это были первые такты великой симфонии во славу Жизни.

Каждая тоненькая веточка на ивовом кусте, который рос на берегу Причуди, покрылась серебристыми почками, а по шершавой серой коре наклонившегося дуба на другой стороне заводи ползали три сонные мухи, радуясь теплу и солнечному свету.

В этом месте, по причине, известной только ему одному, ручей Причудь поворачивал под прямым углом.

Под дубом вода подмыла песчаный берег, обнажив массивные корни дерева, похожие на переплетающиеся канаты. Солнце освещало крутой склон, но нависавшие над берегом корни отбрасывали тень, и под ними было совсем темно.

Возле кромки искрящейся воды располагалась маленькая отмель с разноцветной галькой и белым песком; блики света, отражавшегося от водной гла-

ди ручья, играли на коре дуба и гасли, едва проходящее облако заслоняло солнце.

Зима выдалась сухой и малоснежной, поэтому вода в ручье была чиста и прозрачна; конечно, она стояла выше, чем летом, но без какого-либо намёка на муть от паводка. Вода была такой чистой, что, стоя на отмели, можно было разглядеть на дне ручья каждый камушек, хотя в более глубоких местах дно скрывалось в коричневатых потёмках, и вода приобретала цвет зрелого эля.

Вдоль берега рос тростник; за зиму он изрядно побелел, но, взглянув на него пристальнее, можно было заметить на омертвевших стеблях остроко-
нечные зелёные побеги, только что пробившиеся на свет. Впоследствии этот тростник превращался в густые зелёные заросли, и его сочные острые листья прижимались друг к другу так плотно, что протиснуться между ними было под силу лишь водяной крысе. На противоположном берегу находился от-

логий спуск к воде; сюда приходил на водопой скот фермера Счастличикса. Его коровы взрыхлили копытами почву на берегу, превратив её в ужасное месиво, а трава выше по ручью была довольно сильно вытоптана. Но в самом ручье грязи было мало, так как дно устилали песок и галька. Если ленивые животные достаточно долго стояли в ручье, всё, что налипало на их копыта, довольно быстро смывалось течением.

В тени под корнями дуба что-то зашевелилось. Сперва можно было подумать, что это водяная крыса или мышь; но потом, если бы вы замерли на месте и ждали достаточно долго (ведь маленький народец обычно чувствует приближение человека), вам посчастливилось бы увидеть Мёума. Он осторожно выглянул из-за корня, озираясь по сторонам и прислушиваясь.

Выше по течению ручья, в серебристом ивняке, вертелась синичка, маленькая красивая пичужка, оперение которой местами было окрашено в такой же цвет небесной лазури, как и лоскут чистого весеннего неба над ней.

— Синь-сини, синь-сини, синь-сини! — пела она.

Для Мёума эта песенка означала: «Всё спокойно». Маленький человечек, словно мышь, выбежал на разноцветную галечную отмель.

Вы должны знать, что Мёум и его собратья были (насколько мне известно) последними гномами, оставшимися в Англии. Это удивительно, но Мёум

был очень похож на гномов из сказок, вплоть до остроконечной кожаной шляпы-колпака и длинной бороды. На нём были короткая курточка и жилет из мышинной кожи, пояс из полоски змеиной кожи, бриджи из кротовой кожи, подвязанные ниже коленей, а вот туфель и чулок он не носил. В них не было надобности, ведь гномы — волосатый народец; летом они порой и вовсе обходятся без одежды. Их тела, в отличие от наших, покрыты густыми волосами до самых пят; что же до туфель, то могу сказать одно: если бы вы с самого рождения не носили никакой обуви, то они бы и вам не понадобились. На поясе у гнома висел охотничий нож из кованого железа, сделанный из обломка дверной петли, который он нашёл в ручье.

Синичка-лазоревка по прозвищу Синепуговка вспорхнула на нижнюю ветку ивы, нависавшую над заводью, и стала наблюдать за гномом, тараша на него свои глаза-бусинки.

— А, Синепуговка! Рад тебя видеть. Как прошла зима?

— Так себе, — грустно ответила синичка, усевшись на ветке среди мягких ивовых почек.

Прежде чем продолжить, должен сказать вам, что, конечно, звери и птицы не говорили с гномами на нашем языке. Они говорили на своём наречии, которое гномы понимали. Разумеется, в этой книге я переложил их разговоры на наш язык, иначе вы бы не разобрали, о чём они толкуют.

— А твой муж, Синепуговка, как он?

Синица опустила голову и ничего не ответила.

— Ох, мне так жаль, Синепуговка, так жаль, — посочувствовал Меум. — Я знаю, зима была ужасной, одной из самых тяжёлых за всё время, что мы живём у ручья... Бедная, бедная Синепуговка. Но не печалься, — добавил он, — снова пришла весна... Подумай только: теперь еды будет вдоволь, больше никаких морозов и... и... тебе следует найти себе нового мужа. Ведь у тебя остались детки.

Но Синепуговка была безутешна и так сильно удручена горем, что не могла больше оставаться с гномом и улетела.

Меум уселся на солнышке. Галька была тёплой, а жилет из мышинной кожи надоел гному, поэтому Меум снял и повесил его на старый сухой стебель кокорыша, который рос на берегу поблизости.

Маленькое красное лицо гнома, цвета старой ягоды шиповника, было сморщенным и покрытым складками, словно обезьянья ладонь. Его борода была почти седой и свисала едва ли не до пояса. Крошечные ладони с грязными ногтями напоминали лапки крота, хотя и были меньше. Руки у гномов весьма длинные для их роста, они выглядят длиннее по сравнению с туловищем, чем у людей. У Меума были длинные заострённые уши, покрытые серебристыми волосками. Посидев на камнях пару минут, он вполоборота развернулся к корням дуба.

— Эй, вы! Тут, на солнышке, так чудесно... Просыпайтесь, снова пришла весна!

Тут же появились ещё два гнома; один, Тысячелист, протирал глаза, а второй, Вьюнок, щурился на ярком солнце. Тысячелист, самый младший, был пониже Меума и носил такую же курточку из мышинной кожи и бриджи из кожи крота, но у него не было бороды, что очень необычно для гнома. По какой-то никому не понятной причине (говоря «никому», я имею в виду не людей вроде нас с вами, а зверей, птиц и вообще всех, кто обитает на берегах ручья) у Тысячелиста никогда не было никакой растительности на лице. И не потому, что он брился, — ни одному гному это даже в голову не придёт, ведь борода согревает в зимнюю стужу. Как я уже сказал, никто не знал, почему у Тысячелиста никогда не было бороды, даже он сам. Но его круглое маленькое

лицо было таким же красным и морщинистым, как и у Меума, и в каком-то смысле он выглядел старше, потому что потерял почти все зубы, а делать искусственные вставные зубы гномы не умеют.

Вьюнок, самый старший и самый мудрый из троих гномов, был ниже всех ростом и прихрамывал — из-за своей деревянной ноги. Это было очень хитроумное приспособление: Вьюнок взял чашечку жёлудя, куда прекрасно входила культя, проделал в ней отверстие, а в это отверстие вставил и надёжно закрепил прочную ветку боярышника. Однако нога постоянно изнашивалась, и летом бедному Вьюнку каждый месяц приходилось делать себе новую. Борода у него была — просто загляденье: она опускалась ниже пояса, почти до коленей, и оставалась бы белоснежной, если бы гном не окрашивал её отваром из кожуры грецких орехов, ведь белая борода привлекает внимание, а это никуда не годилось. Гномы всегда были скрытными, а в наши дни скрытность стала для них особенно важна, ведь если бы люди обнаружили гнома, спокойной жизни маленького народца пришёл бы конец. Как эти маленькие человечки вообще дожили до наших дней, остаётся загадкой, потому что, хотя они и обитали в деревенской глуши, безлюдными эти места не были, — настолько безлюдными, насколько безлюдными являются некоторые области Девона и Корнуолла*, а ведь там,

* Графства на крайнем западе Юго-Западной Англии, расположенные на полуострове Корнуолл. — *Прим. ред.*

насколько я знаю, уже не осталось ни одного гнома, хотя, полагаю, их всё ещё можно найти в некоторых районах Ирландии.

Вероятно, причина заключается в том, что ни одному здравомыслящему человеку (как и подавляющему большинству безрассудных людей) не пришло бы в голову искать гномов в Уорикшире — графстве, вдоль и поперёк изрезанном дорогами и железнодорожными путями, с множеством городов и посёлков.

В отличие от двух своих братьев, Вьюнок носил плащ и бриджи из кожи летучей мыши, причём мышинные уши на шкурке остались нетронутыми, и из этой части шкурки был сшит капюшон. В холодную погоду Вьюнок натягивал капюшон на голову и становился очень похож на забавную вытянутую летучую мышь без крыльев. Он утверждал, что кожа летучей мыши гораздо мягче, чем мышинная, и совсем не сковывает движений.

Едва присоединившись к Тысячелисту и Меуму, Вьюнок тут же сел, снял деревянную ногу и положил её на гальку.

— Мне нужно сделать новую ногу, Меум, — сказал он озабоченно. — Эта деревяшка изнашивается, и мне понадобится другая, ведь приближается весна. Хотел бы я найти что-нибудь более подходящее.

Меум взял деревянную ногу и осмотрел её нижнюю часть, поглаживая бороду и так сильно намор-

щив и без того сморщенный лоб и сдвинув брови, что его глаза почти исчезли в складках кожи.

— Думаю, мы могли бы найти что-нибудь получше. Я спрошу Короля рыбаков*.

Как раз в это мгновение, словно ответ на мольбу, над изгибом ручья мелькнуло синее пятно, и прямо над головами гномов на ветку дуба, рядом с пятью круглыми чернильными орешками**, присел отдохнуть зимородок.

Великолепная птица поглядывала вниз, склонив голову набок, и время от времени резко дёрга-

* Намёк на название птицы в английском языке (kingfisher), составленное из слов king (король) и fisher (рыбак) и отражающее охотничьи повадки зимородка, который и в самом деле превосходно умеет ловить рыбу. Зимородок караулит добычу, сидя в засаде на ветке над водой; выбрав жертву (обычно это какая-нибудь мелкая рыбёшка, ребе — пресноводная креветка, лягушка или водное насекомое), зимородок ныряет в воду и хватает добычу клювом; он может взлетать с добычей прямо из-под воды. В день зимородок съедает 10–12 рыбок. — *Прим. ред.*

** Чернильные орешки — вид наростов (так называемых галлов) на ветвях и листьях дуба, образуемых личинками насекомых (орехотворок), которые откладывают в наросты яйца. Орехотворки откладывают яйца в мякоть листа, это вызывает усиленный рост тканей листа, и в результате образуется галл, в котором развивается личинка, превращаясь в итоге во взрослое насекомое. Из-за своей формы и окраски в английском языке эти наросты получили название «дубовых яблок»; чернильными орешками их называют потому, что в старину из них изготовляли чернила для письма. — *Прим. ред.*

ла головой вверх и вниз, пытаюсь что-то проглотить.

— Наше почтение, ваше величество, — вежливо обратился Меум к зимородку (в подобных ситуациях он часто говорил от имени всех гномов). — Вас то мы и желали увидеть. Тут братцу Вьюнку нужна новая нога из чего-нибудь попрочнее боярышника. Прошу прощения за беспокойство, но не посоветуете ли вы что-нибудь?

Некоторое время Король рыбаков молчал — он не мог ответить, ибо только что проглотил шесть рыбок-кóлюшек, и глотка у него был забита.

Гном вежливо ждал, пока зимородок проглотит свою пищу, и через некоторое время птица наконец заговорила.

— От дерева мало толку, вам нужна кость. Я знаю о костях почти всё, ведь мы строим из них свои гнезда, а чего не знаю, того и знать не нужно.

Гномы молчали; они видели, каковы с давних пор гнёзда зимородков: каждый раз, проходя мимо, гномам приходилось зажимать нос. Зимородки очень нечистоплотны в гнездовании; никогда не перестаёшь удивляться, как эти великолепные, царственные создания могут быть такими грязнулями. А вот почему у зимородков такое прекрасное оперение, самое красивое среди всех птиц Британии, — уже другая история.

— А это идея! — воскликнул Вьюнок. — Я никогда не думал о кости.

— Рыбная кость недостаточно крепка, — продолжал Король рыбаков. — Я буду поглядывать и принесу вам что-нибудь покрепче.

Убаюканные журчанием ручья, все какое-то время сидели молча. Прямо перед излучиной, выше по течению, ручей набегал на камни, гладь воды в этом месте словно собиралась в складки, в которых отражались осколки неба. Там было так мелко, что гномы могли перейти ручей вброд, но сразу за перекастом он становился глубже и плавно нёс свои воды, переходя под корнями дуба в глубоководье тёмно-смоляного цвета.

— Ваше величество, а как нынче рыбалка? — спросил один из гномов.

— Дрянь, хуже некуда, хотя выше Мшистой мельницы получше. Но много ловят мельниковы сыновья — сидят там целыми днями. Один из этих сорванцов пытался вчера попасть в меня камнем из своей рогатки. Я полагаю, вы тоже скоро начнёте рыбачить? Прошу прощения...

Тут Король рыбаков издал довольно неприличный звук, так как его пицца ещё не вполне переварилась.

— Да, — ответил Вьюнок, из вежливости сделав вид, что ничего не слышал, — скоро начнём. Прежде мы уже рыбачили на этом месте, и — ваша правда! — гольян и колюшка, кажется, уже не так хорошо ловятся, как бывало раньше. Не знаю, как быть теперь, когда от новой дороги несёт дёгтем. Ужасная

гадость, убивает рыбу. И без того было плохо, когда выше Мшистой мельницы овец купали в растворе против паразитов. Когда всё это началось, отравла сгубила нескольких гномов, а было это много кукушечьих лет назад, ещё до рождения вашего величества. Помнишь, Тысячелист?

Но Тысячелист не ответил, тоскливо глядя куда-то в сторону верховий ручья.

— Он думает о бедняге Морóшике, нашем пропавшем друге, — понизив голос, пояснил Меум Королю рыбаков. — Морошик отправился вверх по ручью, чтобы найти Исток Причуди, да так и не вернулся. Много месяцев минуло с тех пор.

Меум вздохнул, а за ним вздохнули и все остальные. Некоторое время были слышны лишь ручей да ветер, гулявший в деревьях.

— А вы когда-нибудь пытались его разыскать? — спросил Король рыбаков, глядя на опечаленных гномов, сидевших под ним на гальке.

— Да, — ответил Меум, — мы ходили вверх по ручью до Мшистой мельницы и деревни Яффа, но не нашли никаких следов. Водяные крысы сказали, что видели Морошика за мельницей, но после того его уже никто не встречал. Отец вашего величества тоже видел, как Морошик шёл через Щавелевый лес, у заливных лугов Счастличикса, но никто больше не смог нам помочь. Отец вашего величества пролетел до самого леса великана Громобоя, но не смог найти нашего друга.

— Возможно, он попался на глаза великану Громобойю, — мрачно заметил Король рыбаков, — великан Громобой живёт в Вороньем лесу уже много лет. Однажды он пытался меня подстрелить, но промахнулся, и теперь я держусь подальше от этого места, хотя рыбалка там отменная.

— А вы бывали ещё дальше, за лесом? — спросил Меум с благоговением в голосе.

— Нет, дальше я не бывал. Говорят, за Вороньим лесом есть большое море и остров, а за ними Причудь сильно сужается, рыбалка там плохая, и чем дальше, тем хуже. Хотя, возможно, однажды я и слегаю туда.

Меум снова вздохнул.

— Хотел бы я иметь крылья как у вашего величества. Тогда я смог бы долететь до Истока Причуди. Наши собратья всегда хотели побывать там, но путь туда слишком долгий и тяжёлый, а ноги у нас слишком короткие.

Солнце спряталось за облаками, поднялся ветер, и по воде пошла рябь. Меум потянулся за жилетом и надел его, а Вьюнок снова прицепил свою деревянную ногу.

— Что ж, мне пора, — сказал Король рыбаков, встряхнувшись, — моя жена рыбачит где-то ниже по течению. Я не забуду о твоей ноге, Вьюнок.

И, взмахнув крыльями, он вспорхнул с ветки и умчался прочь, словно синяя молния, скрывшись за излучиной ручья.

Оставшись одни, три гнома начали собирать на берегу сухие ветки. Когда зайдёт солнце, станет холодно. Потом Меум стал бродить по галечной отмели, надеясь найти кремнёвые камешки, а два других гнома с хворостом в руках ушли в тень, под корни дуба.

По лугу длинной вереницей прошли коровы фермера Счастличикса, направляясь к броду. Они вошли в ручей; из их ртов текла слюна. Коровы равнодушно смотрели на журчавшую воду и пили её большими глотками.

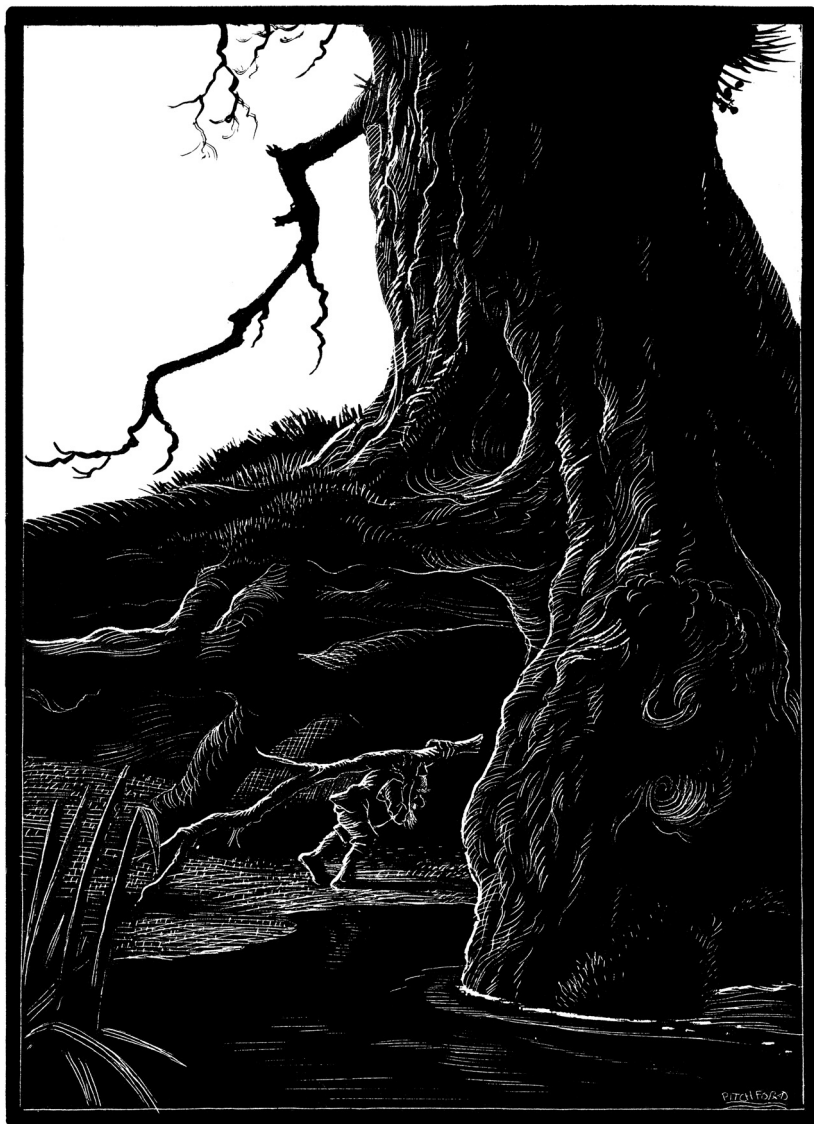
Меум вернулся назад, волоча сухую ветку. Коровы заметили его, но не проявили к гному никакого интереса. Они продолжали пить холодную воду большими глотками; грязь с их огромных ног замутила чистые воды ручья. Коровы много раз видели гномов и не обращали на них внимания, словно это были обычные водяные крысы. Да и с чего бы? Для них все живые существа, обитавшие в дикой природе, были одинаковыми. А маленький народец (то есть гномы и эльфы) тоже был частью природы, как звери и птицы.

Когда коровы вдоволь напились, они постояли в ручье ещё некоторое время, пуская слюни, а потом развернулись, медленно поднялись на берег, побрели на пастбище и стали шумно щипать траву.

Меум втащил ветку под корни дуба. Хотя в ней было всего около полуметра, притащить больше было ему не под силу.

Под корнями была большая площадка с утоптаным песком (во время осенних паводков вода порой подходила к самой двери жилища гномов). Дверь была не более двадцати сантиметров в высоту, но очень толстой. Когда-то она была частью старой мельницы, которую принесли сюда воды ручья много лет назад, и гномы потратили много недель, чтобы вырезать её карманным ножом, принадлежавшим Морошику. Этот нож Морошик нашёл на Ивовом лугу ниже Мшистой мельницы и забрал с собой, уходя в путешествие. Дверные петли были изготовлены из проволоки, которую гномы сняли с какой-то ограды. В двери проделали дырки, в дырки пропустили проволоку и это хитроумное приспособление закрепили на корне дуба.

Меум поломал ветку на части, как смог, взвалил на плечи получившиеся дрова, открыл дверь и вошёл внутрь, плотно затворив дверь за собой. Прямо перед ним был проход между двумя ответвлениями корней дуба, в который нужно было протиснуться и затем подняться по проходу вверх, чтобы оказаться в самом жилище. Оно была довольно уютным и просторным и представляло собой большую пещеру под корнями дуба, размер которой составлял почти метр в поперечнике. Пол был застелен сухим тростником, собранным возле ручья, а дым от гномьего очага поднимался вверх по своеобразному дымоходу — сквозной полости внутри ствола дерева — и выходил наружу через узкое дупло на самой верхушке дуба.

Если у гномов горел огонь, то над дубом поднималась лишь тонкая прозрачная струйка дыма. Тем не менее, гномы были очень осторожны и разжигали огонь только в ветреные ночи, когда дымок быстро рассеивался и становился совсем незаметным, или в непогоду, когда люди сидят дома. В погожие ночи, когда нет ни малейшего ветерка, даже лёгкое облачко дыма в небе может заметить кто угодно.

Сегодня как раз было ветрено, гномы развели огонь, и красноватые отблески языков пламени танцевали на всей внутренней поверхности ствола дерева. Взглянув вверх, можно было увидеть крошечную точку тусклого света там, где на верхушке ствола находилось дупло.

Тысячелист сидел, положив ногу на ногу, и мастерил из мышинной кости крючки для ловли рыбы. Вьюнок чистил жирного гольяна. Рядом с ним лежали ещё семь мелких рыбёшек. Почистив их, он подвесил рыбу рядком над дымом, чтобы она прокоптилась. Меум аккуратно сложил дрова в поленницу в углу пещеры.

Все они работали молча; каждый занимался своим делом. Вьюнок из-за своей деревянной ноги был главным рыболовом; а ещё он был поваром, и поваром неплохим, как он сам часто говорил. В самом деле, его копчёный гольян и олады из муки буквых желудей были *очень* хороши.

После трапезы у огня, которая тоже прошла в полной тишине, гномы легли, забравшись каж-

дый в свой спальный мешок из кротового меха. Они лежали и смотрели на тлеющие красные угольки. Снаружи шумел ветер, и было слышно, как филин Бен снялся с дерева и полетел на охоту. Именно Бен снабжал их шкурками в любых количествах, ведь гномы не убивают теплокровных живых существ, разве что защищаясь; все птицы и звери были их друзьями, за исключением горностаев и лисиц (или лесных собак, как звали лисиц гномы).

Некоторое время гномы лежали, вытянувшись в спальных мешках; никто не проронил ни слова. Их маленькие глазки вспыхивали, словно светлячки, в красном отблеске затухающего огня. Наконец, Меум нарушил тишину.

— Я всё думал о том, что Король рыбаков говорил о путешествии в верховья ручья и о поисках Морошика. А почему бы нам не попробовать? У нас впереди целое лето, и мы можем вернуться обратно до того, как упадёт первый лист. Почему бы нам не отправиться в путешествие?

Никто не ответил; двое других гномов лежали тихо, и Меум уже было решил, что они уснули. Но, посмотрев на своих товарищей, он увидел, что глаза их блестели в сумраке пещеры словно бриллианты.

Глаза Тысячелиста блестели потому, что он беззвучно плакал. Из всех троих его было легче всего растрогать, а Морошик был его лучшим другом. Наконец, Вьюнок заговорил, и заговорил довольно раздражённо.

— Знаешь, Меум, ты такой же непутёвый, как и Морошик, — неутомонный, вечно хочешь покинуть Причудь и отправиться на поиски лучшего места, болтаешь, как и бедный Морошик, об Истоке Причуди. Мы никогда его не найдём и не встретим в верховьях ручья других гномов, которые могли бы нам помочь. Рыбалка здесь плохая, знаю, но у нас по-прежнему достаточно еды, и дуб остаётся нашим хорошим другом. А о моей ноге ты подумал? Я не могу идти с вами. Ладно, — добавил он с обидой в голосе, — оставьте меня, мне всё равно. У меня всё будет в порядке, но если вы не вернётесь назад, как бедняга Морошик, я останусь совсем один, хотя... Думаю, я и сам справлюсь, — Вьюнок шмыгнул носом.

— Нет, мы тебя не оставим, Вьюнок, ты должен отправиться с нами! Верно, Тысячелист?

— Меум, я пойду, если пойдёт Вьюнок. Я давно хотел отправиться вверх по ручью на поиски Морошика, очень давно...

Вновь ненадолго воцарилась тишина; ветер гудел в дымоходе и напевал свою песню в ветвях старого дерева.

Вьюнок рассердился:

— Ерунда! Это сушая глупость, и домой мы никогда не вернёмся. Как мы доберёмся до истока ручья? Да нам даже до Мшистой мельницы надо идти много часов!

— Да, я думал об этом, — сказал Меум, — много думал. Почему бы нам не построить лодку, не

рыбацкую, а настоящую лодку с вёслами? (Гномы пользовались кóраклами* — как у индийцев, только на ивовый каркас была натянута лягушачья кожа.)

Вьюнок сердито засопел.

— Неужто ты полагаешь, дорогой мой Меум, что мы сможем на вёслах пройти по Причуди против течения? Да ведь даже с нашими кóраклами мы едва управляемся!

— Я думаю, у нас получится — на *моей* лодке, — заметил Меум. — Я всё продумал. В любом случае мы сможем идти против течения на спокойных участках, а пороги будем обходить по берегу, перенося лодку, как делали дартмурские гномы в старые добрые времена в Краю Бегущих Вод**.

— У меня есть идея получше, — вмешался Тысячелист. — Давайте попросим Водокрыса отбуксировать нас через бурные участки. Если он откажется, то, быть может, согласится Выдра.

— Блестящая идея! Выдра и Водокрыс! Отлично!

* Кóракл — небольшая традиционная лодка, используемая в Англии, Ирландии и Шотландии, представлявшая собой каркас из ивовых прутьев, обтянутый кожей. Аналогичные лодки издревле строили и в других странах. — *Прим. пер.*

** Дартмур — местность в графстве Девон в Юго-Западной Англии, где болотистые пустоши перемежаются с плоскими гранитными холмами; именно здесь происходит действие романа Артура Конан Дойля «Собака Баскервилей». На холмах Дартмура берут своё начало многочисленные реки и речушки, впадающие затем в Бристольский залив на севере и пролив Ла-Манш на юге, поэтому гномы называют эту местность Краем Бегущих Вод. — *Прим. ред.*

Да они нас до самого Истока Причуди доставят, если мы попросим. Почему нам раньше не пришло это в голову? — мысль о путешествии нравилась Тысячелисту и Меуму всё больше и больше.

Вьюнок фыркнул.

— Что ж, можете отправляться, вы оба, а я останусь и буду продолжать наслаждаться жизнью — ещё хотя бы парочку лет. А вы не забыли о великане Громобое и Вороньем лесе? Вы — глупцы, я не желаю даже думать об этой сумасбродной затее. Можете идти, а я с вами не пойду. Вам-то хорошо, с двумя-то ногами, а у меня всего одна, да и та мне не очень поможет, если придётся убежать от великанов или плыть, если я свалюсь в Причудь.

Гномы продолжали спорить до тех пор, пока не погасли последние угли; наступила полная темнота, и был слышен только шум ветра снаружи. Под конец сморило даже Меума, и в тёмной пещере под старым дубом воцарилась тишина.

На остывшем лугу одна за другой улеглись спать коровы, а где-то вдали, за Чертоговой рощей, тьякала лесная собака (лиса). Через прорехи в рваных облаках поблёскивали звёзды, а под корнями дуба, где пахло дымком и копчёным гольяном, слышен был тихий храп трёх гномов, похожий на гудение эльфийских рожков. Солнце ушло на другую сторону большого круглого мира, и мягкий покров темноты обволакивал теперь всё живое. Не спали только ночные охотники, вроде красных лесных собак, да

попрыгúши (так гномы называли зайцев), а что до филина Бена, то он был за самóй Коллинсонской церковью и охотился на свежей пашне.

Об авторе

В.В. («Би Би») — литературный псевдоним Дёниса Джеймса Уоткинса-Питчфорда, выдающегося британского писателя, художника-иллюстратора и натуралиста.

Денис Уоткинс-Питчфорд родился 25 июля 1905 года в деревне Лампорт графства Нортгемптоншир в центральной Англии в семье приходского священника. Он был слабым и болезненным ребёнком и поэтому воспитывался дома, хотя его брат-близнец Роджер ходил в школу. Благодаря этому в детстве

и юности Денис много времени проводил на природе, гуляя по окрестным лугам и лесам с сачком для ловли бабочек, удочкой или ружьём и занимаясь рыбной ловлей, охотой и рисованием с натуры. Любовь к природе и привычку внимательно наблюдать за ней писатель пронёс через всю свою жизнь; они красной нитью проходят через все его книги, каждая из которых начинается с эпиграфа—приглашения разделить с ним радость созерцания природы — изречения, которое писатель увидел на одном старом надгробии: «Чудо жизни, её удивительная красота и сила, её формы, цвета, свет и тени — вот что я вижу. Взгляни и ты, куда длится жизнь».

В возрасте пятнадцати лет Денис Уоткинс-Питчфорд поступил в Нортгемптонскую школу искусств, затем обучался в Королевской академии искусств в Лондоне, после чего на протяжении 17 лет работал преподавателем в школе Рагби в одноимённом городе графства Уорикшир, прежде чем полностью посвятил себя литературной деятельности.

Когда Денису было четыре года, в его жизни произошло событие огромной важности, определившее всю его дальнейшую судьбу. Однажды, летним вечером, в детской комнате на втором этаже деревенского дома, где жила его семья, он увидел настоящего гнома, и с тех пор непоколебимо верил в существование маленького народца — так в Англии называли гномов, эльфов, фей, домовых и других сказочных существ. В возрасте 36 лет он написал

одно из величайших произведений о гномах в английской литературе — эпическую сказочную сагу «Вверх по Причуди и обратно» (оригинальное название — «The Little Grey Men»), которая в 1942 году была удостоена медали Карнеги, старейшей и самой престижной награды за лучшее литературное произведение для детей, и стала классикой детской литературы. (Для сравнения: повесть Джона Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно», номинированная на медаль Карнеги в 1937 году, так и не получила эту награду, уступив первенство другому литературному произведению.)

Денис Уоткинс-Питчфорд написал более 60 книг для детей и взрослых о природе английской глубинки, не считая сотен эссе и статей для газет и журналов; он остаётся уникальной фигурой в английской литературе и по праву считается одним из величайших писателей-натуралистов XX века. Он также проиллюстрировал более 30 книг, написанных другими авторами, и более 50 лет, с 1930-х годов и до самой смерти в 1990 году, вёл собственную колонку в ведущем британском журнале об охоте «Shooting Times». Писатель отличался детской непосредственностью и удивительной способностью находить красоту в самых обыкновенных вещах, что подкреплялось глубокими познаниями в естественных науках и богатым опытом изучения и созерцания природы.

И хотя Денис Уоткинс-Питчфорд получил широкую известность именно как писатель и эссеист,

скрывающийся под псевдонимом В.В., его главной страстью были живопись и графика; свои художественные работы он подписывал настоящим именем. Свои поздние литературные произведения писатель сопровождал контрастными чёрно-белыми иллюстрациями, выполненными им в технике воскографии, или граттажа (от франц. *gratter* — скрести, царапать) и ставшими его «визитной карточкой». Такие рисунки выполняются путём процарапывания пером или другим острым инструментом слоёв чёрной туши и воска, нанесённых на бумагу или картон, благодаря чему напоминают ксилографии или линогравюры.

Другой страстью писателя была охота на диких гусей, отсюда и выбор литературного псевдонима: ВВ — типовой британский размер крупной дроби (так называемый «номер»; диаметр дробинки этого номера составляет 0,18 дюйма, или 4,5 мм); именно такую дробь писатель использовал для охоты на водоплавающих птиц. Денис Уоткинс-Питчфорд также был заядлым рыболовом; он особенно увлекался ловлей карпа и, можно сказать, ввёл в Великобритании моду на этот вид рыбной ловли.

Личная жизнь писателя сложилась очень непросто. Он считал, что его семья несла тяжёлое бремя родового проклятия, наложенного на его отца, который в молодости, во время паломничества в Святую Землю, отказался подать милостыню нищему. Нищий проклял молодого паломника и предска-

зал, что его первый сын умрёт до наступления совершеннолетия, как и первый сын его второго сына. Так и случилось: Энгель Уоткинс-Питчфорд, старший брат Дениса, умер в возрасте 13 лет, а собственный сын Дениса, Робин, ушёл из жизни в возрасте 8 лет. Ещё один удар судьбы обрушился на писателя в 1974 году, когда умерла его жена, Сесилия; работая в саду, она отравилась ядовитыми пестицидами, которые в этот момент расплылись в полях, прилегавших к саду. Писатель переносил все эти беды с подлинной душевной стойкостью, как истинный британец.

В декабре 1989 года Денис Уоткинс-Питчфорд был удостоен звания кавалера ордена Британской империи. Сегодня его книги для детей переведены на многие языки и стали классикой детской литературы. Лучшие из этих книг впервые выходят в свет в переводе на русский язык в издательстве «Добрая книга».